

Вырезка из газеты

МОСКОВСКАЯ
ПРАВДА

г. Москва

8 ЯНВ 1986

В одну из наших встреч с Михаилом Андреевичем он охотно вспоминал любимые роли — а всего их у него более ста, говорил о тревогах и заботах, связанных с любимым, главным делом его жизни — кинематографом. А в облике актера проступала некоторая усталость. В ответ на мой вопрос Михаил Андреевич объяснил, что трудился вчера, в день Всесоюзного коммунистического субботника, в рессорно-пружинном цехе ЗИЛа, в бригаде коммунистического труда, членом которой является уже несколько лет.

Разумеется, в факте этом нет ничего удивительного. Однако, что греха таить, есть среди коллег Глузского и такие, кто, будучи членом подобного коллектива, не преминет вспомнить о своем почетном участии в жизни рабочей бригады, один-два раза выступит перед зрителями, только этим и ограничивается его подлинное участие в жизни бригады, цеха, завода.

Для Глузского, человека, чье слово не расходится с делом и чье отношение к труду всегда исполнено уважения и ответственности, подобный вариант невозможен. Таков актер во всем с присущей ему непоказной преданностью своему долгу и делу. Глубокая, добрая истовость заложена в характере Глузского прежде всего временем, его воспитавшим. Вести разговор от имени своего поколения — задача очень нелегкая: Михаил Андреевич осознанно принимает ее на свои плечи.

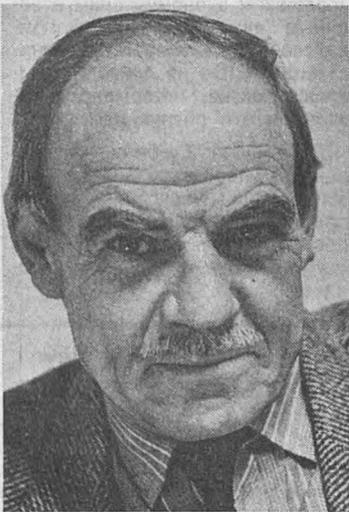
— Действительно, в какой-то степени я беру на себя смелость продолжить поступь моего поколения, говорить вместе с ним о том, что сегодня заботит всех нас. Мое человеческое и профессиональное становление совпадает с годами, когда наша страна жила дыханием подвига. Полеты Чкалова, Громова, рекорды Стаханова, полярные экспедиции — все становилось неотъемлемой частью и нашей жизни. Осознал я это позже: в молодости все воспринимается как естественный дар судьбы.

Я начинал в кинематографе с героев, которых принято называть «отрицательными», хотя это вряд ли точно определяет их суть. У каждого из них есть своя правда, и они стчаянно за нее борются...

Глузский входил в кинематограф, завоевывая репутацию мастера эпизодической роли, мастера верной интонации.

В исполнении Глузского в фильме по рассказу Ю. Нагибина «Ночной гость» Егор является

всего в нескольких сценах. Он напряжен, готов в любую минуту вспыхнуть, разразиться бранью, однако в глубине души все еще надеется помириться с ушедшей от него женой, вернуться в дом семью, детей. Неловко держит он в руках авоську, в которой два яблока — гостинец для детей и бутылка, которую Егор выставит на стол. Вот она, причина всех его бед, она и противна, и любя ему, эта трелкая бутылка. Но устоять нет сил. Егор выпьет и закружится в странном, диковатом танце. В

нем и горе, и слабость, и боль его. Несколько минут пробыв актер на экране, а за героем — вся его судьба...

— Самое обидное, — говорит Михаил Андреевич, — что Егор и те, кто ему сродни, все еще есть в нашей жизни. Любят они оправдывать свою слабость, объяснять пристрастие к алкоголю вроде бы уважительной причиной — дескать, не задалось что-то в жизни, боль у меня, надо ее заглушить... Да ведь нет таких людей, в чьей жизни не было бы неудач, горестей, утрат. Суть в том, как относится к ним сам человек, все от него прежде всего зависит. Можно принять беду с достоинством, попытаться что-то изменить, исправить. Если не получается — с тем же достоинством продолжать свой путь. Утешение пьянством для меня равносильно падению. Поэтому, на мой взгляд, сострадать алкоголику — значит чинить новые беды и ему, и окружающим. Подумайте, сколько горя принес тот же Егор в свой дом! За что же сострадать ему? Увольте...

Было у Глузского после Егора

еще несколько ярких ролей, которые закрепили за ним амплуа актера («с отрицательным объяснением»). Кинематограф — искусство достаточно потребительское по отношению к артистам. Закрепится за актером слава только ли доброй «положительности», то ли яркой «отрицательности», и текучи роли-близнецы, модификации прошлых удачных открытий. Возможно, так сложился бы и путь Глузского, когда бы не его крепкий, волевой характер, его профессиональный опыт, прошлая работа на сцене, его

го, как потерял ногу, подрывая бронепоезд врага. Но его фанатизм имеет и оборотную сторону — у Фокича свои критерии, очень определенное, узкое видение мира. Эта обуженность приводит моего героя к трагической нетерпимости, неумению и нежеланию взглянуть в человека, понять его. Фокич делит всех на «своих» и «чужих», третьего не дано. Он может быть и страшен, отстаивая свою правду, в нем много жестокости, ярости и неуправляемости. Но тот же Фокич какой-то лучшей

ли, в науке, которой он отдал свою жизнь.

Дебютируя как режиссер постановкой фильма «Пришел солдат с фронта», Николай Губенко утвердил Глузского на роль Ивана Степановича без проб. Казалось, и этот герой находится как бы в стороне от тех дорог, по которым привычно ходит актер. Но земная жестковатость Глузского, прочность и сила его характера приблизили к зрителям сыгранного им старого солдата.

— Один из самых дорогих для меня фильмов последних лет — «Остановился поезд», — говорит Михаил Андреевич. — Я играл в нем эпизодическую роль дорожного мастера Пантелеева. Но сколько нитей сошлось в его истории! Пантелеев считает себя честным человеком, однако какова цена этой честности, если годы стерли в его сознании настоящую ответственность за свое дело! Изо дня в день он нарушает технические инструкции, совершенно не задумываясь о последствиях, что уже само по себе бесчестно и безнравственно. Я думал о том, что есть у нас такие Пантелеевы не только на железной дороге. Думал, например, о водителях, которые в нетрезвом виде садятся за руль, — мол, десять раз сошло и опять сойдет... А ведь может и не сойти, может привести к жертвам, к гибели людей... Это лишь один из примеров, который помогал мне понять суть образа моего Пантелеева.

Эта роль памятна для меня и незабываемым периодом работы с драматургом Александром Миндадзе и режиссером Вадимом Абдрашитовым. Союз их прочный, многолетний, а это важно и для актеров. «Ножницы», которые нередко, к сожалению, присутствуют еще в работе драматурга и режиссера, мешают исполнителям, подрезают им крылья. Я не боюсь признаться в том, что хочу видеть режиссера умнее себя, шире в своем видении. В этом я еще раз практически убедился, работая над ролью Пантелеева. Метраж роли и ее духовная объемность — предметы разные, главное зависит от драматургии и режиссуры.

И коль зашла у нас речь об эпизоде, замечу, что такая работа может стать хорошей школой для актера, особенно молодого. С моей точки зрения, работа над маленькой ролью лучше длительного простоя в неверном ожидании лестных предложений и больших ролей...

Беседу вел
Э. ЛЫДИНА.

встреча

ОДНАЖДЫ ИЗБРАННЫМ ПУТЕМ

Наш собеседник — народный артист СССР
Михаил ГЛУЗКИЙ

учителя. А учился Михаил Андреевич у таких талантливых мастеров, как М. Тарханов, Б. Барнет, Г. Рошаль, Ю. Райзман, В. Баталов. В начале пути работал в Центральном театре Советской Армии под руководством замечательного режиссера Алексея Попова.

Все это помогло Глузскому вырваться из тех рамок, в которые его пытался вписать кинематограф. Актер смело разрушил стереотип зрительских ожиданий, отказываясь от повторов, от клиширования былого успеха. Он ждал. И был утвержден режиссером Глебом Панфиловым на роль Фокича в картину «В огне брода нет». Впервые зрители получили возможность столь полно ощутить талант Глузского — его способность рассказать о человеке, плотно вписанном в контекст своего времени.

— Время действия этого фильма — гражданская война. Но это не только линия фронта, это еще и война в сознании каждого человека, мера его причастности к происходящему. Фокич фанатично предан революции. В санитарный поезд он попал после то-

частью своей души чувствует и ценит странную Таню Теткин, ее талант, свет, который она несет людям. И хранит Таню до своего последнего шага...

— Мне посчастливилось работать со многими сверстниками Глеба Панфилова, — продолжает свой рассказ Михаил Андреевич, — режиссерами, которых сегодня относят к среднему поколению. Это разные художники, но, на мой взгляд, их объединяет подлинный интерес к острым социально-нравственным проблемам, глубокий, пристальный анализ личности в ее неразрывной связи с эпохой. Одна из самых дорогих для меня ролей — Никодим Васильевич Сретенский в картине «Монолог» режиссера Ильи Авербаха. Роль Сретенского была написана для другого актера, казалось, у героя не было ничего общего со мной, с моими внешними и внутренними данными. Нужны были талант и смелость режиссера, чтобы «увидеть» меня в роли Сретенского — коренного петербуржца, человека мягкого и уступчивого в личных отношениях и непримиримого к малейшим компромиссам в вопросах мора-